

Сергей ЗЕЛЬДИН

Сергей Зельдин родился в 1962 году в станице Ярославская Краснодарского края. Жил в г. Волжском, с 1974 года в Житомире. В «Волге» печатались рассказы (2017, 2018, 2019, 2020), также публиковался в журналах «Крещатик», «Новый берег», «Дружба народов» и др.

РАССКАЗЫ

Журфак

Я сидел на работе и читал газету за прошлый год. Внезапно внимание мое привлекла статья о пожаре в селе Каменный Брод. К счастью, все тогда обошлось без жертв и все спаслись, включая пятимесячного ребенка.

Об этом ребенке, младенце, было написано с юмором: «Он был как домовенок: весь в копоти, ручки-ножки обгорели – уголек!»

Я посмотрел в конце статьи и прочел имя автора: Богдан Луцина.

Были в статье и возвышенные места: «Человек так и не смог приручить огонь за сотни лет, как он его развел, он только и ждет вырваться из-под контроля, пожирая все на своем пути, пусть это даже будет женщина или ребенок. И нужно помнить, особенно у кого печное отопление, что в доме у них находится неукротенное чудовище!»

– «Пожирая...» – зачарованно повторил я...

Я с удовольствием читал дальше: «Стоим, разговариваем у калитки. А чуть поодаль стоит женщина, погорелец, с печальным ликом Мадонны».

Я забыл имя автора и опять заглянул в конец: Богдан Луцина.

Статья заканчивалась тонким педагогическим обоснованием пожара: «Стало быть, неважная, плохая это мать, раз не объяснила раз и навсегда детям, что стулья и другие легковоспламеняемые вещи надо не ставить возле печки!»

Черт возьми, это замечательно, клянусь Кафкой!

Иногда, зачитавшись газетой, которой застелен мой стол, я невольно думаю: все мое сочинительство – туфта, фигуранье, пустопорожнее переливание – а вот же, вот – жизнь-то – так и играет, так и искрит, говорит-разговаривает!

Что мои выдумки по сравнению с криминальной хроникой глухого райцентра? Не буду приводить цитаты, тем более заголовки – зависть, зависть гложет меня! Ах, кто мешал мне кончить в молодости журфак и стать как Богдан Луцина?

Но за журфак переживала единственно моя учительница русской литературы Лиина Афанасьевна, я же мечтал записаться в подпольную секцию карате.

Стоило это дорого – пятнадцать рублей в месяц; тайные сеансы проводились в лесу на Корбутовке. Сенсеем был один стоматолог по фамилии Иванчихин; он учился у японца; у него был зеленый пояс. Я же мечтал хотя бы о скромном белом – какие тут могли быть журфаки в такой момент? О, как бредил я стилем «шотокан»!

Лиина Афанасьевна почему-то была в отчаянии. Она уже давно умерла. А училка по химии Алла Матвеевна еще жива и гуляет по городу, ужасно похожая на Жанну Агузарову, прибывшую с Венеры.

Когда-то она говорила:

– Зельдин, прекратите клоунаду у доски! – с улыбкой, без злобы; она знала, что я дуб.

Не понимал я ни по химии, ни по физике, ни по математике.

Так же не был силен в истории, языках и литературе, и поэтому очень любил писать сочинения.

Почему-то писать сочинения боялись и не любили все, даже наши три медалиста, вернее два – Саша Хузман, мастер по шахматам, и Наташа Сичкарь, толстая девочка, потом закончившая университет с красным дипломом и потерявшаяся в каких-то заводоуправлениях.

Они боялись, а я любил.

Учительница Лиина Афанасьевна снова и снова приходила в отчаяние – я писал сочинение, не читав произведения.

Мои творения она читала всему классу вслух, с мечтательным лицом, пока меня не стали дразнить Достоевским и писюком.

Под конец она вконец расстроилась и вlepила мне четверку в аттестат.

Как ни странно, в аттестате об окончании школы у меня не было ни одного тройка, а было девять пятерок и девять четверок.

Но недолго я любовался этим хорошим аттестатом: провалившись на экзаменах в политехе (папа был в отчаянии), я поступил в ПТУ. Меня долго не хотели принимать, но потом приняли.

В ПТУ я был на самом хорошем счету и научился вытачивать напильником молоток и зубило из отливки.

Но потом я влюбился в Ирэну Кислицкую, семнадцати лет, с ребенком шести месяцев, муж которой, знаменитый хулиган с Нижней Полевой по кличке Кислый, служил в армии, но скоро должен был вернуться.

Первая робкая любовь, особенно первый сексуальный опыт, полученный мною в ночных подъездах, совершенно меня очаровали. Я скатился в ПТУ на двойки, пропуская занятия, и почти разучился вытачивать молотки. Все же, с трудом, но я его закончил.

Увидев, что я понес вещи из дома и уже начинаю поговаривать о браке с любимым существом, папа побежал в военкомат, надавил на все пружины (он был большим электрическим начальником), и меня взяли в армию.

В армии я служил в химических войсках в Риге.

Учебку я закончил бравым строевиком, и поэтому меня взяли в секретное подразделение при штабе округа, чтобы я подтянул всех этих художников, радистов и прочих шифровальщиков и держал их в ежовых рукавицах.

Сначала я их держал, пользуясь навыками, полученными в нашей зверской учебке (кстати, знаете ли вы, что такое ЗОМП? Нет? Ну и ваше счастье), но потом так разленился, что за два года ни разу не был в отпуске.

Такого залетчика не знало ни одно секретное подразделение на свете. Это был редкий случай, когда получивший в учебке звание младшего сержанта так в этом звании и был уволен.

Да и уволился ли бы я вообще, если бы не умер Брежнев? (В штабе округа долго ожидали немедленного начала атомной войны.)

Был дан приказ уволить всех по-быстрому и подчистую.

Это было тем более своевременно, что мне предстояло на прощание отсидеть пятнадцать суток (по пяти сложились начхим округа и два полковника, его заместители) на Рижской гарнизонной гауптвахте.

На этой гауптвахте, в старинной тюрьме на берегу Даугавы, где, по легенде, сживала еще жена Ленина, Крупская, в этом царстве насилия и питомнике огромных рижских крыс, где и трое-то суток продержаться было мудрено, я бы, конечно, гигнулся.

А так я дембельнулся и, купив папе «Рижский бальзам», а маме ликер «Старый Таллинн», очень радостный, вернулся домой, в милый, тысячу раз снившийся, Житомир.

Ирэну я давно разлюбил, тем более что за время разлуки она бросила своего хулигана, вышла замуж за другого и уехала в Архангельск.

Чтобы сделать приятное папе, я решил получить высшее образование и для этого окончить политех.

Для начала нужно было поступить на «нулевой курс», то есть на подготовительное отделение.

Я начистил значки, приехал в Киев в шинели и сапогах, и на вопрос комиссии, помню ли я что-нибудь из школьного курса, честно ответил, что нет, и тут же был зачислен.

Вот тогда-то я видел в последний раз свой красивый, без единой тройки аттестат о среднем образовании – я сдал его в канцелярию и больше никогда не видел, потому что через два месяца бросил нулевой курс, пошел на мебельную фабрику, был выгнан, женился, родил Шурика, поступил на стекольный завод, ну а там настала украинская независимость, и это уже совсем другая история, почище гарнизонной гауптвахты, где якобы сидела Надежда Константиновна.

Теперь мне пятьдесят семь и, почитывая «Субботу» с программой у себя в сторожке, я иногда думаю, что как бы сложилась моя судьба, окончи я журфак, о чем мечтала Лиина Афанасьевна, моя покойная учительница литературы?

Забор в тени жасмина

В этот вечер, по-весеннему томный, хотя был еще февраль, Егор Васильевич лежал на диване в маленькой комнате.

Прикрыв рукой глаза, засунув палец в ноздрю, такая у него была привычка, Егор Васильевич слушал «Песню Сольвейг» из оперы «Пер Гюнт» Эдварда Грига.

Дослушав «Песню», смахнув слезу эстетического наслаждения, Егор Васильевич потянулся, зевнул раз, другой, а на третий, распахнув пасть как чемодан, зевнул ужасно, окончив зевок полустоном-полурыком:

– А-у-ы-ы!..

– Животное! – крикнула с кухни жена.

Егор Васильевич полежал и пошел на кухню. Жена варила куриный холодец из крылышек и когтистых лап, навевающих мысль о фильме «Парк Юрского периода».

– Попочка, ты совсем заругала своего маленького Гогушгу! – игриво сказал Егор Васильевич.

– Вампир ты! – сказала жена. – Слон сиамский!

Она ловко раскидала курятину по глубоким тарелкам, кинула морковь, покрошила веточку петрушки и принялась разливать бульон.

Егор Васильевич, проглотив слюну, пошел в туалет и вскоре так увлекся кроссвордом «Ассоциации», что спохватился только тогда, когда у него затекли и чуть не отнялись ноги.

Он погулял, разминаясь, по комнате, включил телевизор и залег на диван.

На экране кричали, ругались и говорили друг о друге страшные вещи депутаты с министрами. Зрители в студии, какие-то старики и изможденные женщины, равномерно хлопали каждые полминуты.

«Кстати о вампирах, – подумал Егор Васильевич, глядя на политиков. – Если это не они, тогда кто же?»

Нет, это материцы, оголтелые упыри. Может, они и не летают по ночам под видом летучих мышей, но уж кровь пьют почище Дракулы.

А сколько энергетических вампиров, просто деться некуда, так и сосут, так и сосут энергию!

«А самый первый из них – наш директор Тютюнник! – мстительно подумал Егор Васильевич. – Развел фаворитов, Король-Солнце, твою мать, а другим зарплаты не надо! Собака!»

Егор Васильевич работал в юротделе «Житомирсвета» юристом, не старшим, а таким, куда пошлют, в суд съездить закинуть бумажку, или наоборот, забрать, но все-таки это не повод получать только пять тысяч.

«Да, деньги, – подумал Егор Васильевич. – Деньги-деньги, дребеденьги!..»

Вдруг неизвестно почему, но ему вспомнилось далекое босоное детство, первая робкая эрекция, безумная, бурная любовь к Мирей Матье, книга, которую он украл в библиотеке и попался, и как мама выписывала «Литературную газету» и журналы, и как они их читали.

Особенно Егору Васильевичу запомнилась одна повесть, «Забор в тени жасмина».

Там так, короче: один мужик, алкоголик, жил в квартире. И вот, когда он однажды допился до ручки, вдруг видит, из норы вылезит крыса. Алкаш, настроенный более чем философски и думая, что это бред, крысу не шуганул, а кинул ей хлеба, или сухаря, не важно.

Крыса схватила хлеб, побежала к себе, но вскоре вернулась, катя перед собой маленький бумажный шарик. Мужчина, думая, что вот она какая, «белка», бумажку тем не менее развернул и вдруг видит, что это никакая не бумажка, а пятьдесят рублей. Полтинник!

Чтобы понять до конца, чем был советский полтинник, вам нужно было бы родиться советским алкашом: поллитра «Столичной» стоила три шестьдесят две; плавленый сырок «Дружба» – 14 копеек, кружка пива – 22. Полтинник! Пятьдесят рублей! Это была куча, это было море, гора денег! Пик Коммунизма!

Нужно ли говорить, что при следующем явлении крысы алкаш опять кинул ей кусочек хлеба, и та прикатила ему новую бумажку, на этот раз в сто рублей, свернутую, скорее сжеванную, в шарик.

Тут жизнь алконавта вступила в новую фазу, он почувствовал себя обладателем золотой жилы, даже лучше – Али-Бабой в чудесной пещере.

Он не старался разгадать эту жгучую загадку, догадываясь, что имеет дело с мистикой, может быть даже с параллельными мирами.

А о чем думала крыса, неизвестно, но, наверное, тоже чувствовала себя Али-Бабой и баловницей фортуны.

Долго они потом кормили друг друга, и в данном случае «друг» и «друга» были не пустые слова – он крысу сыром «Пошехонский» и сухой колбасой, она его – стольниками и пятидесятками.

Пьяница, этот Али-Баба, забурел, приподнялся и зажил утонченной жизнью, перейдя с «Золотой осени» и «Алжирского» исключительно на коньяк.

Жизнь рисовалась ему в самых теплых тонах.

Как вдруг все закачалось и рухнуло.

Не в добрый час пустил он к себе переночевать одного знакомого хмыря, а сам куда-то пошел или поехал, это уже не важно, забыв в радостной суматохе предупредить гостя насчет крысы.

Та себе выбегает вечером, заранее катя перед собою деньгу, в надежде получить свой сыр, и получает молотком по башке и подыхает.

Этот возвращается домой, видит родной серый труп, выслушивает хвастливый рассказ, что вот, мол, Коля, избавили тебя от грызуна, так и так, мол, с тебя, Коля, пузырь, – и, в пароксизме горя и отчаяния, хватает и убивает убийцу тем же молотком. Или топором, это уже не было важным.

И садится в тюрьму, несмотря на состояние аффекта.

Как потом оказалось, в одной из соседних квартир жил то ли фарцовщик, то ли валютчик, то ли еще какой-то расхититель социалистического имущества. Его посадили, а тайник с деньгами, спрятанный в стене, не нашли, и он остался. А рядом жила одинокая бедная крыса, и использовала хорошие бумажки для утепления своих апартаментов, а может для красоты, эстетические наклонности крыс еще мало изучены. Конеч. Все.

Егор Васильич внутренне крикнул, как будто это он лишился таких чудесных, легких денег.

– ... Оглох? – как сквозь воду услышал он голос жены. – Марш за хлебом!

Егор Васильич поплелся обуваться.

– И горчицы купи, «Российской»! – крикнула вдогонку жена.

Егор Васильич горько улыбнулся: «“Российской”... Мне бы ваши заботы...»

Весь вечер, ночью, вставая покурить, утром, по дороге на работу – думал Егор Васильич, как бы он наложил лапу на крысиные сокровища, если бы не сел за мокруху.

Понятно, что вариантов тут много, но ни одного, дающего гарантированный успех.

В переполненной маршрутке по пути в суд прикидывал Егор Васильич так и эдак, и вдруг внутренне вскрикивал:

«А если!..», но тут же говорил: «Та не, абсурд...»

Не хочется даже перечислять все фантастические планы, приходившие в голову Егору Васильичу, самым реальным из которых была натасканная на деньги крыса-наркоман.

Продумав до самой ночи, Егор Васильич сдался, плюнул и лег спать.

И снится ему сон. Писатели любят описывать сны, такие что зачитаешься. Но тут был сон самый обыкновенный, так что даже нечего рассказывать.

Очень может быть, что гениальным или просто чересчур талантливым людям, депутатам, поп-певцам, генералам снятся великолепные, редкостные сны, говорящие об их нетрадиционной душевной ориентации и о мистической связи с межзвездными мирами. Но Егор Васильич простой юрист и сны видит самые обычные, как вы или я.

Гармония Вселенной

Сергея любил астрономию как не знаю кто. Если он наткнулся на передачу на эту тему, то смотрел как привязанный.

Было, конечно, много чуши и ахинеи про тайны мироздания, но были и четкие варианты, особенно когда показывали реальные, а не нарисованные, съемки планет. Глядя на смутный шарик Сатурна или тем более Нептуна, Серега, затаив дыхание перед этим величием природы, только и мог, что прошептать:

– Ни ху-ху себе хо-хо!..

Рассусоливания об инопланетянах Серый не любил – нет значит и нет, нечего брехать, выдавая желательное за действительность. Тем более он слышал в одной передаче, как один авторитетный батя сказал: «Энэло – це бисовство, с точки зору православной церкви Киевского патриархату».

Но все же допускал, что где-нибудь, у черта на рогах, в одной из ста миллиардов галактик, могут жить какие-нибудь шестикрылые семих... «По закону больших чисел», – говаривал Серега в курилке.

А иногда, когда задерживали зарплату или Наталья «причесывала» его, что мало получает, Серега, нервно куря на балконе, думал: «Интересно, в других галактиках тоже надо блевать кровью, чтобы прокормить семью, да купить дочери айфон, чтобы ее в школе не чморили, да съездить на море в июне на пять дней под Одессу? Не говоря уже взять в кредит сраный «Ланос» или, упаси Боже, лечь в больницу с чем-то дорогим?»

Ему казалось, что это как-то не вяжется со вселенской гармонией, о которой по телеку рассказывает Алекс Филиппенко. Не может быть, чтобы везде царил такое же мракобесие, как в Солнечной системе. Просто с нашим еврейским счастьем нас занесло на планету, где без денег жизни нет, а в иных мирах, может, живут у Христа за пазухой, типа как при коммунизме: «Каждому – безвозмездно! Каждому – сколько влезет!»

Это очень могло быть.

Но могло быть, что и вся Вселенная, все сто миллиардов звезд в каждой из ста миллиардов галактик, как утверждает современная астрономия, опираясь на телескоп «Хаббл» – это юдоль страдания. И куда не прилети со скоростью света – везде то же самое – «бьюсь как рыба, а денег не надубал!»; и олигархи купаются в деньгах как свиньи в грязи, и судьи берут взятки, и депутаты проститутки, и минимальная пенсия впереди, и попробуй еще доживи до этой пенсии...

Да, и это тоже могло быть, и даже, говорил Серега в курилке, скорее всего.

И коллеги по работе сурово сплевывали и говорили:

– Сто процентов.

Оптимист

Ноябрьское утро источало такой бодрый оптимизм и оптимистическую бодрость, что казалось совершенно непонятым, отчего людей так тянет совершать самоубийства.

Анатолий Стахович Перетятко свистал «Как прекрасен этот мир» и спотыкался в тумане.

Оптимизм распирает его, и если бы ему вздумалось подпрыгнуть, то он улетел бы в небеса, как один дядя в «Трех толстяках».

Мрак посветлел, и Анатолий Стахович шел, радуясь ледяной мороси и сволочному ветерку, несшему запахи промзоны.

«Нас утро встречает прохладой», – мурлыкал он.

Несколько спустя Анатолий Стахович обнаружил себя уже в центральной части города, причем термос с тормозком пропали.

Анатолий Стахович остановился и поговорил с кандидатами в мэры, висящими на заборе, видимо, давая им избирательский наказ, а потом двинул дальше.

Увидев полицейских, он бросился к ним, сунул руку за пазуху и закричал:

– Аллах акбар!

И они обняли его как брата, и прекрасная дева-коп сделала с ним сэлфи.

На углу Киевской и Шухевича Анатолий Стахович купил бесплатно букет и пошел, помахиывая хризантемами.

Целый день гулял Анатолий Стахович по улице Бандеры и примыкающим – Сечевых Стрельцов и Героев Второго Майдана, приставая к женщинам со своим желтым букетом и гонясь за скейтбордистами, пока его не потянуло домой.

Провальсировав в сумерках по двору, Анатолий Стахович вбежал в квартиру, кинулся на одно колено перед Анжеликой Петровной, протянул ей букет цвета разлуки и запел нездешним баритоном:

Дым сигарет с менто-олом,

Калейдоскоп а-гней!..

Тут и закончились его похождения. И это очень жаль, ведь оптимистов в наше время раз-два и обчелся, да и то они все в телевизоре.

Поздние грибы

У Вити Баландюка мать заболела раком.

Витя давно был к этому готов, поэтому не сильно удивился.

Не то что он был плохим сыном или бесчувственным, но просто этого всегда ждут – и для себя, и для других.

То и дело слышишь: «Слышал, у того-то и того-то – рак обнаружили? Поджелудочной. Пацан в шоке!»; «Я тебе рассказывал, у директора на работе – жена? Онко – последняя стадия!..»

Так что Витек был морально всегда готов, но, конечно, вначале как будто током трухануло.

Витя был электрик, ездил по области, делал проводку; однажды даже в Киеве, в особняке у одного депутата.

Так что деньги у него были, не в том дело.

А иначе не о чем бы было и говорить.

Но ведь всем известно, как оно связываться с медициной – высосут из тебя до копейки, а мамка все равно помрет, это ясно.

Но все платят этим кашалотам сколько скажут, чтобы потом не видеть косые взгляды, что пожалел родной матери или деду.

А у кого нет никого стоячего, сына или внука, те сразу едут домой, ложатся, отворачиваются к стене и ждут, когда умрут, главное, чтобы было с обезболивающими нормально.

Некоторые не хотят дожидаться – и вешаются; прыгают с крыши; стреляют из ружья себе в рот; поджигают хату, чтобы не досталась банку; режут вены – кто как.

Но у Витька деньги были, не в этом дело; не сильно много, но хватит, чтобы платить за лечение до самой смерти.

Матушка ничего не хотела.

Она всю жизнь проработала на «Химволокне» и знала, как эти денежки даются.

Но единственное, что ее волновало, это что на Витюшу останется ее второй муж, а его отчим, Ефимович, лежащий инсультник. Покормить с ложечки, подмыть, перевернуть, помассировать от пролежней – это же все кому-то надо делать.

И взваливать такую обузу на сына было Витьковой матушке хуже чем ножом по горлу.

Вот в чем была для нее дилемма. А умирать она не боялась. Да и кто сейчас боится? Лишь бы по-быстрому, желательно – во сне.

А Витька, конечно, сгоряча не соображал, что его ждет, и больше думал за матушку, чтобы она тихо, мирно и прилично отошла в мир иной.

Он вытащил из загашника все свои свободные бабки, которые были на этот момент, и повез маму в областной онкоцентр.

Мать прошла химиотерапию, облучение, но легче с метастазами не стало.

– Ну что бы я вам посоветовал, молодой человек, – сказал один врач, как говорили в коридоре, очень знающий, хотя и недавно после института. – Я бы вам посоветовал попробовать купить вытяжку из акульих плавников. Дорого, но...

И Витек ехал в ту единственную заветную аптеку и покупал этот акулий фуфел.

Из родителей у Вити осталась одна мать, а отца уже не было – он пырнул мать кухонным ножом, отсидел, забомжевал и помер. Витька его после этого знать не хотел, ни копейки не дал, когда тот подыхал.

Так что скоро предстояло ему стать круглым сиротой, в его-то молодые 43 года, и это его почему-то сильно угнетало и расстраивало.

Он поехал в «Спутник» и нажрался как свинья.

Но кому и когда помогала водяра? Никому. Пить надо на радостях, в приличной компании, а не с синяками из-под гастрономов.

Витька наскандалил, получил по роже, сел в свой «Опель Комбо», поехал на Малеванку и открыл дверь своим ключом.

Мать сидела на кровати и смотрела в окно. Луна серебрила ее седую дульку на голове; худые ноги свисали, не доставая до пола.

Сынок сел рядом, обнял маманю, и они поплакали вместе.

Проснулся Ефимыч и тягуче заныл, прося утку.

Мать сползла с кровати и понесла утку, а Витек поехал домой. Зинаида звонила уже сто раз.

Витек лег спать и завел будильник на шесть; утром хотели мотнуться за грибами.

Осень была такая сухая, что грибы полезли только сейчас, в конце октября, после дождей, теплых ночей, густых туманов – маслята, черные опята, немного краснюков и совсем мало белых.

Профессия – сторож

Нет никакого сомнения, что представители древнейшей профессии вовсе не проститутки, ибо желание спереть родилось раньше всех других желаний.

Надобность в сторожах возникла в самом начале Бытия, сразу же после кражи яблок из райского сада.

Какое-то время со сторожами была напряженка, и первые люди, Адам, Ева и их сынки, спали вполглаза, как в плацкартном вагоне, держа все свое добро при себе.

Но вскоре, по мере прироста населения, в сторожа хлынули опустившиеся интеллигенты, инвалиды легких групп, менты-пенсионеры, и кадровый вопрос был смягчен, хотя текучка навсегда осталась бичом этой профессии.

Время шло, рождались культуры и погибали цивилизации.

В древнем Вавилоне, Египте, а также Греции сторожа уже были влиятельной, почтенной кастой, наряду с магами, акробатами и философами.

Так, прославленный Диоген-киник, ученик Антисфена, подрабатывал ночным сторожем в Синопе.

Незаметно пронеслась еще пара-тройка тысячелетий, и наступили наши дни.

В наше время профессия сторожа сохранила свою актуальность, невзирая на все усилия науки и техники.

Сторож есть явление психологическое.

Пьет ли сторож на рабочем месте? – Несомненно.

Дрыхнет ли в самый разгар дежурства – с полуночи до шести? – Бесспорно.

И все же никакая техника, пусть даже заимствованная у космических пришельцев, не заменит живого человека, нашего скромного героя в валенках и с берданкой.

И какое хозяйское сердце не изболится, если хозяин не будет знать, что вокруг его склада ходит день и ночь дозором он, былинный Черномор, солдат Швейк правопорядка, старый добрый сторож, раньше с колотушкой, а сейчас с китайской рацией «Хас Фенг» на груди?

Фигура сторожа всегда была овеяна романтической дымкой.

Сколько непризнанных гениев пера, композиторов-песенников, обогнавших свое время, сколько философов не хуже Ницше находили приют под материнской сенью сторожки, этой альма-матер неудачников!

Самые лирические поэты посвящали сторожам свои пронзительные строчки:

И, как пьяный сторож,
Выйдя на дорогу,
Утонул в сугробе,
Приморозил ногу.

Но не всегда живется сторожам сладко, не всегда сторожится припеваючи.

Подобно тому, как у птички есть ее естественный враг – кошка, а у кошки, в свою очередь – гуляющий без намордника питбуль, есть враг и у сторожа – это молодой, энергичный директор.

Часто это юноша, обритый наголо, но с бородой, вымещающий на бедных сторожах свои детские обиды.

Среди них попадаются совершенные, законченные чудаки.

Так, один директор купил и повесил за свои деньги видеокамеру, маленькую и подслеповатую, одну на всю территорию, которая захватывала своим чохлым объективом лишь маленький пяточок под фонарем, тоже единственным. Это средство визуального контроля было вовсе не для того, чтобы помочь сторожам ловить воров, а наоборот, для того, чтобы визуально ловить самих сторожей.

По замыслу этого неумного директора, сторож должен был ночью каждый час подходить к фонарю и махать в камеру, как бы говоря: «Ку-ку! А вот и я!» – чтобы было понятно, что это именно он, сторож, а не какой-то посторонний грабитель.

По утрам молодой директор прокручивал запись и делал свои драконовские выводы.

Мне это напомнило «В исправительной колонии» Франца Кафки. Там тоже один солдат, денщик одного офицера, ночью был обязан просыпаться каждый час и, став во фрунт перед офицерской дверью, отдавать ей, двери, честь.

В сущности, это был простой и ясный приказ, не требующий от солдата каких-то особенных усилий.

Но однажды офицер проснулся ровно в полночь, выглянул и увидел, что солдат не только не отдает честь, но спит под дверью, свернувшись калачиком, как собака.

Офицер, естественно, избил бунтовщика до полусмерти, отдал под трибунал, и солдата приговорили к смертной казни в хитроумной машине для пыток.

Но машина дала сбой и убила не денщика, а офицера, не этого, с дверью, а другого, палача, в чем, конечно, была своя доля несправедливости.

Ясно, что тут у Кафки символ, а какой, можно только догадываться – то ли крушения католической религии, то ли рождения фашизма, то ли вообще чего-то третьего.

Вот так и живем мы, сторожа, то ничего себе, не хуже Диогена, то как у Кафки.

И невольно вспоминаются бессмертные строки из Пушкина:

Мы в фортеции живем,
Хлеб едим и воду пьем.
А как лютые враги
Придут к нам на пироги,
Зарядим картечью пушку,
Зададим гостям пирушку!

Но до этого, слава Богу, редко доходит.

Нет, быть сторожем очень хорошо! Иногда я даже думаю, отчего все не идут в сторожа?

Но ведь сторож – это призвание, состояние души, это, как говорят остроумные девушки, диагноз.

Профессия сторожа бессмертна, она никогда не умрет и никуда не денется, все по тем, древним, причинам.

Скорее уж отомрет проституция, исчерпав свою социальную базу.